

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440

Научная статья / Research article

Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность?

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Изучение региональных измерений, в том числе места отдельных регионов в системе международных отношений играет немаловажную роль в рамках осмысления процессов формирования нового многополярного миропорядка. Одним из важных регионов, безусловно, является Большое Средиземноморье, которое по праву считается колыбелью цивилизации. Располагаясь на перекрестке Азии, Африки и Европы, Большое Средиземноморье имеет особый статус в глобальных торгово-экономических и политических событиях. Автор дает определение понятию Большого Средиземноморья, анализируя его в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах и, соответственно, в узком региональном, широком региональном и глобальном масштабах, затем рассматривая Большое Средиземноморье с точки зрения теории регионального комплекса безопасности. Цель исследования заключается в выявлении территории, которую охватывает Большое Средиземноморье, а также типа регионального комплекса безопасности, в который оно входит. Поскольку среди российских и зарубежных ученых нет четкого и единого мнения относительно того, в каких географических границах находится данный регион и что он представляет собой, теоретическое обоснование позволяет автору не только определить пределы региона, но также дать его характеристику, что, в свою очередь, обуславливает актуальность данной работы. В заключении делается вывод, что Большое Средиземноморье является региональным комплексом безопасности глобального уровня, включающим такие государства, как Россия, Франция, Великобритания, играющие важную роль на международной арене, а также Турцию, Италию, Израиль и Иран, обладающие значительными возможностями, которые превосходят потенциал их непосредственных соседей.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, теория регионального комплекса безопасности, региональный комплекс безопасности великих держав, региональная безопасность

Для цитирования: Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 429—440. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440

Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality?

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The study of regional dimensions, including the role of individual regions in the international system, plays a significant role in understanding the formation of a new multipolar world order. Undoubtedly, one of the most important regions is the Great Mediterranean, which is considered to be the cradle of civilization. Located at the crossroads of Asia, Africa and Europe, it has a special status in global economic and political events.

© Агазаде М.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The author first defines the concept of the Greater Mediterranean, analyzing it in the short, medium and long term and, accordingly, in a narrow regional, wide regional and global scale. Then the analysis is carried out from the point of view of the regional security complex theory. The purpose of the study is to identify the territory covered by the Greater Mediterranean, as well as the type of regional security complex that it is part of. Since there is no clear, unified definition among Russian and foreign scholars about the geographical boundaries of this region and what it represents, the theoretical justification allows the author not only to determine the limits of the region, but also to give its characteristics, which in turn conditions the relevance of the research. In summary, it is concluded that the Greater Mediterranean constitutes a global-level security complex as it includes states, such as Russia, France, and Great Britain, which have a significant influence in world politics, as well as Turkey, Italy, Israel, and Iran with considerable powerful capabilities that extend beyond their neighbors.

Key words: The Greater Mediterranean, Regional Security Complex Theory, great power regional security complex, regional security

For citation: Aghazada, M. M. (2021). Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 429—440. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>

Введение

До начала XVI в. пространство Средиземного, Черного и Красного морей являлось центром мировой торговли, однако с началом Великих географических открытий этот статус был утрачен. Несмотря на это, географическая особенность бассейна этих трех морей, имеющего такие проливы, как Босфор, Дарданеллы, Гибралтар и Баб-эль-Мандебский, а также Суэцкий канал, позволяет сохранить его особый геостратегический статус в мировой политике и превращает его в одну из важных точек соприкосновения военно-политических и торгово-экономических интересов глобальных сил. Если в Средневековье основные причины столкновения в целом заключались в контроле над торговыми путями и получении новых земель, то в начале XXI в. углеводородные ресурсы, обнаруженные в Восточном Средиземноморье, особенно запасы природного газа, указывают на то, что в этом столетии регион станет свидетелем важной борьбы, прежде всего, за разделение акватории между прибрежными странами, а также сохранение интересов внерегиональных сил в нем.

Конец холодной войны породил новый этап с точки зрения региональной безопасности. С одной стороны, в связи с тем, что появились новые государства, получившие независимость в Восточной Европе, Центральной Азии и на Южном Кавказе после распада СССР, образовались новые регионы, ставшие местом столкновения интересов великих

держав. С другой стороны, идеологическая конкуренция двух полюсов с окончанием холодной войны сменилась борьбой за влияние великих держав, которая носит более интенсивный и напряженный характер.

Что такое Большое Средиземноморье?

В дискурсе российских и зарубежных научных кругов нет конкретного определения того, какую территорию охватывает Большое Средиземноморье. Например, О.В. Столетов следующим образом определяет регион Большого Средиземноморья: «Макрорегиональная форма географической, геополитической, геоэкономической и геокультурной пространственной взаимосвязанности, существующей между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря» (Столетов, 2017, с. 117). Похожее определение дается и в статье И.А. Чихарева и О.В. Ярмак: «Макрорегион Большого Средиземноморья является географическим, геополитическим, геоэкономическим и культурным пространством, находящимся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря» (Чихарев, Ярмак, 2019, с. 100).

В работе Д.В. Маковской и С.А. Бичакова макрорегион Большого Средиземноморья определяется как «трансграничное пространство, где веками происходили межцивилизационные взаимодействия и диффузии народов,

ценностей и культур» (Маковская, Бичаков, 2019, с. 392). Еще одно интересное определение дается Г.В. Косовым и Д.Б. Татарковым: «Большое Средиземноморье — это не метафора, не повторение броделевской концепции, а концепт (теория, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, принципах геополитической трансформации релятивистских и физикалистских пространств, конфликта — консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических / геоэкономических (экономических) проектов» (Косов, Татарков, 2020, с. 115).

В российской историографии теме Большого Средиземноморья посвящен ряд научных работ: геоэкономическому анализу Большого Средиземноморья и его геополитическому значению (Столетов и др. 2019; Гукасов, Косов, 2020), методологическим проблемам изучения региона (Шахин, 2020), изучению политики гендерного равенства в странах Большого Средиземноморья (Нечаев и др., 2019), интеграционным процессам (Соловьева, Михалев, 2019).

Однако в отличие от российской историографии в западной фактически нет понятия «Большое Средиземноморье». Западные авторы обычно используют термин «пространство Средиземного моря» (*Mediterranean area*) для определения региона, или под термином «Большое Средиземноморье» понимается только регион, страны которого имеют выход к Средиземному морю.

В коллективной монографии, опубликованной под редакцией А. Эхтешами, Д. Хубер и М. Пачелло, указано, что исторически Средиземное море представлялось мостом, позволяющим проецировать европейское могущество на Африку и Западную Азию (*The Mediterranean Reset...*, 2017, р. 5). В другой коллективной монографии, опубликованной под редакцией Э. Кусумано и С. Хофмайер, проанализированы стратегии, принятые НАТО и ЕС для повышения устойчивости в регионе, а также затронуты темы европейской энергетической безопасности, борьбы с терроризмом, военного сотрудничества в

Средиземном море и т. д. (*Projecting Resilience across the Mediterranean*, 2020).

В отдельных статьях западных авторов, посвященных Большому Средиземноморью, рассматривались проблемы безопасности, с которыми сталкиваются страны, граничащие со Средиземным морем, и как они решаются на двустороннем, межрегиональном и многостороннем уровнях (Boening, 2008b), степень сближения, расхождения и в некоторых случаях безразличия стран Южного и Восточного Средиземноморья к европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО) (Soler i Lecha, 2010), причины создания Союза для Средиземноморья (Vicchi, 2011), перспективы энергетического сотрудничества в рамках деятельности Союза для Средиземноморья (Darbouche, 2011), политика ЕС в отношении Южного Средиземноморья после «арабской весны» (Rocci & Voltolini, 2017), а также проблема нестабильности и безработицы среди молодежи в арабских средиземноморских странах (Paciello & Pioppi, 2020).

Хотя в аналитической статье, опубликованной Р. Эллекхус и Д. Руй, использован термин «Большое Средиземноморье», регион рассматривается как единая географическая зона, где угрозы и возможности распределяются от побережья к побережью, и проанализировано только 19 прибрежных средиземноморских государств¹.

Таким образом, в отличие от российских авторов, западные исследователи не считают, что Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, а также ближневосточные страны, не имеющие выхода к Средиземному морю, относятся к региону Большого Средиземноморья, что порождает сложности в рамках выработки единого термина для определения региона.

Исходя из серьезных геополитических изменений в данном регионе после «арабской весны», на наш взгляд, можно рассматривать Большое Средиземноморье в трех

¹ Ellahuus R., Ruy D. Securing U.S. interests across The Greater Mediterranean // Center for Strategic & International Relations. December 16, 2020. URL: <https://www.csis.org/features/securing-us-interests-across-greater-mediterranean> (accessed: 02.05.2021).

перспективах — краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной, тем самым определив территорию, которую оно охватывает, а также статус и место в системе международных отношений.

В краткосрочной перспективе можно рассматривать регион в узком региональном масштабе, то есть Большое Средиземноморье — это акватория трех морей — Средиземного, Красного и Черного морей, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству — Эгейского, Мраморного, Ионического, Азовского и т. д. В рамках данного определения события, происходящие на севере Йемена или на юге Судана, не касаются региона Большого Средиземноморья. В основном борьба идет за углеводородные ресурсы на водных территориях (например, в Восточном Средиземноморье) (рис. 1).

В среднесрочной перспективе предлагается рассматривать регион в широком региональном масштабе: Большое Средиземноморье включает в себя территорию стран,

находящихся на берегу и в акватории трех морей — Средиземного, Красного и Черного, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству, — Эгейского, Мраморного, Ионического, Азовского и т. д., то есть территорию Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Марокко, Алжира, Туниса, Ливии, Египта, Судана, Эритреи, Джибути, Йемена, Саудовской Аравии, Иордании, Израиля, Палестины, Сирии, Ливана, Турции, Грузии, России, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Греции, стран бывшей Югославии, Италии, Сан-Марино, Ватикана, Монако, Кипра и Мальты. Учитывая географические и политические особенности, Пиренейский полуостров и территория бывшей Югославии, а также Молдова, Ватикан и Сан-Марино являются частью региона Большого Средиземноморья. Все события, происходящие в странах (в любой части страны), которые находятся на берегу этих трех морей, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству, прямо касаются региона Большого

Рис. 1. Большое Средиземноморье в узком региональном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 1. The Greater Mediterranean in a narrow regional scale

Source: compiled by the author.

Средиземноморья. На примере сирийского, ливийского, йеменского, израильско-палестинского/арабского конфликтов, а также сложных двусторонних отношений между Турцией и Грецией, Марокко и Алжиром, Турцией и Израилем, Турцией и Египтом, Россией и Украиной, Израилем и арабскими странами и т. д., в целом борьба идет за формирование нового пространства военно-политического характера и регионального мироустройства (рис. 2).

В долгосрочной перспективе можно рассматривать регион в глобальном масштабе: в Большое Средиземноморье входят соседние страны и регионы, и борьба идет за формирование нового мирового порядка (рис. 3). Формула «Мир больше пяти» (Турция); идея создания единой европейской армии (Франция); «Брекзит» и активизация британской дипломатии в Большом Средиземноморье, возвращение России на Ближний Восток и в Африку и т. д. — все это связано с процессом формирования нового мирового порядка, в котором каждая из вышеуказанных стран пытается

занять центральное место, тем самым составив конкуренцию планам США и КНР, которые пытаются сформировать новую международную систему исходя из своих национальных интересов. В результате появится Большая Средиземноморская система, ядром которой станет победившая в данной борьбе страна/страны региона, и тем самым регион вернет себе тот статус, который был утрачен после периода Великих географических открытий. Следует отметить, что в перспективе можно включить все страны ЕС в данный тип определения, так как ЕС как политический игрок несет большую ответственность за обеспечение региональной безопасности.

Исходя из этих классификаций, можно прийти к выводу, что на самом деле Большое Средиземноморье — не столько географическое, сколько военно-политическое определение. Например, Россию и Судан географически ничего не объединяет, они находятся в разных географических регионах, однако военно-политические события, происходящие в Судане, могут повлиять на позицию России

Рис. 2. Большое Средиземноморье в широком региональном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 2. The Greater Mediterranean in a wide regional scale

Source: compiled by the author.

Рис. 3. Большое Средиземноморье в глобальном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 3. The Greater Mediterranean in a global scale

Source: compiled by the author.

в Красном море. Продолжающиеся конфликты в Ливии, Сирии и Йемене прямо угрожают национальной безопасности всех стран региона, а также стран соседних регионов, создавая угрозу распространения оружия. В связи с этим анализ Большого Средиземноморья в глобальном измерении больше соответствует требованиям современных реалий, и следует рассматривать его в одном комплексе безопасности, в котором для всех государств региона есть общие вызовы и угрозы.

Важно также отметить, что, в отличие от 1990-х и начала 2000-х гг., сегодня США и ЕС уже не являются доминирующими силами в этом регионе по причине того, что геополитика Большого Средиземноморского региона изменилась в начале XXI в., отчасти в результате динамики развития местных государств, а отчасти — в результате трансформационных изменений на международном и более широком региональном уровнях. Кроме того,

после событий «арабской весны» в Средиземноморском бассейне повысился «вес», с одной стороны, России и Турции, заявивших о себе как о активных военно-политических игроках, а с другой — КНР, которая расширила свое торгово-экономическое присутствие. Таким образом, теоретическое осмысление формирующегося в новых условиях региона позволяет определить его место в системе современных международных отношений.

Большой Средиземноморский комплекс безопасности

После роспуска СССР в 1991 г. биполярная система международных отношений перестала существовать, парадигма безопасности изменилась, и тем самым региональный уровень безопасности в системе международных отношений вышел на передний план. Это было связано, с одной стороны, с ускорением

процесса глобализации, который находился в состоянии стагнации в годы холодной войны, а с другой — с тем, что региональные изменения стали больше влиять на состояние глобальной безопасности. В таких условиях свое видение обеспечения региональной безопасности предложили многие теоретики, среди которых можно выделить Б. Бузана и О. Вейвера, представителей Копенгагенской школы, разработавших теорию регионального комплекса безопасности (ТРКБ).

Следует отметить, что Б. Бузан в своей книге «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» дал первоначальное определение этой теории. По его мнению, «комплекс безопасности — это группа государств, чьи основные проблемы безопасности связаны друг с другом настолько тесно, что их национальные интересы нельзя рассматривать отдельно друг от друга» (Buzan, 1983, p. 106).

В опубликованной в 1997 г. работе «Безопасность: новая основа для анализа» Б. Бузан в соавторстве с О. Вейвером и Я. Де Вильде развил данную идею: «Динамика внутри комплекса безопасности и его структура порождаются государствами внутри этого комплекса — их восприятием безопасности и взаимодействием друг с другом» (Buzan et al., 1997, p. 12). Однако теория была окончательно сформирована в монографии «Регионы и державы: структура международной безопасности», изданной Б. Бузаном и О. Вейвером в 2003 г. В ней они дают название своей теории — теория безопасности, в которой центральное место занимают именно географические факторы (Buzan & Waever, 2003, p. 70), и определяют 9 региональных комплексов безопасности: Североамериканский, Южноамериканский, Европейский, Восточноазиатский, Южноазиатский, Ближневосточный, Центральноафриканский, Южноафриканский и Постсоветский, среди которых нет отдельного регионального комплекса безопасности «Большое Средиземноморье».

Следует отметить, что популярным тезисом о развитии международной обстановки после окончания холодной войны стала идея

С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Однако представители Копенгагенской школы сочли этот тезис, вызвавший столько же споров, сколько и внимания, недостаточным, и утверждали, что проблемы безопасности в постбиполярный период будут вызваны не межцивилизационными, а межрегиональными и/или внутригосударственными конфликтами (Birdiřli & Gören, 2018, p. 13). С. Хантингтон охарактеризовал области между макроединицами, такими как исламская, западная или азиатская цивилизации, как линии разломов и рассматривал проблемы безопасности как широкую межсистемную проблему. Однако в рамках ТРКБ исследователи обратили внимание на тот факт, что государства в первую очередь воспринимают угрозы со стороны своих соседей и регионов, приобретают нерегинальных союзников, и выделили, что проблемы безопасности формируются через взаимодействие внутри подсистем, а не в рамках борьбы между широкими системами.

Важно упомянуть, что Астрид Б. Боенинг предлагала, что, поскольку социальная, политическая и экономическая взаимозависимость и, следовательно, взаимные интересы безопасности между членами Евро-средиземноморского партнерства² довольно сложны, можно изменить концепцию Ближневосточного комплекса региональной безопасности, разработанную Б. Бузаном и О. Вейвером, на более подходящую с эпистемологической точки зрения концепцию «Евро-средиземноморского регионального комплекса безопасности», действующего в рамках Евро-средиземноморского партнерства (Boening, 2008a, p. 3). Позже она развила данную идею в своей книге, которая представляет особый взгляд на эволюционирующие геостратегические события в большом Евро-Средиземноморском регионе с учетом последствий «арабской весны» (Boening, 2014). Однако еще раз следует отметить, что Астрид

² Евро-средиземноморское партнерство, или Барселонский процесс, было создано на учредительной конференции в Барселоне в конце ноября 1995 г. В продолжение этого интеграционного процесса в 2008 г. был создан Союз для Средиземноморья.

А. Боенинг использует термин «Большое Евро-Средиземноморье», а не «Большое Средиземноморье» и в отличие от представлений российских авторов не включает Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря в регион Большое Евро-Средиземноморье.

Интересный подход наблюдается и в работе Д. Куру, который проанализировал применимость дисциплины международных отношений к Средиземноморью, а также выдвинул идею о возможности создания средиземноморской теории международных отношений, которая учитывала бы особую всемирно-историческую роль региона, указывая при этом на ограничения, с которыми сталкивается такая альтернативная теоретическая основа (Kuru, 2019). В свою очередь, Ф. Бикки рассматривает Средиземноморье как политическую концепцию, которая находится на пересечении сопротивления, однородности и разнообразия (Vicchi, 2018, p. 336).

В таком случае, применяя ТРКБ, следует ли выделить и обосновать регион Большого Средиземноморья как отдельный региональный комплекс безопасности?

Прежде всего, необходимо отметить, что ТРКБ подчеркивает роль регионального уровня безопасности в обеспечении глобальной безопасности и на трех уровнях — внутригосударственном, межгосударственном и межрегиональном, рассматривая динамику безопасности в региональном комплексе безопасности.

На внутригосударственном уровне анализируется наличие устойчивых государств в регионе, так как без них не может сложиться стабильной системы региональной безопасности.

На межгосударственном уровне рассматриваются факторы, влияющие на причины влияния великих держав на события в регионе, и анализ проводится на объективном (военное вмешательство / присутствие великих держав в регионе, оказание ими финансовой и гуманитарной помощи странам региона), субъективном (как великие державы воспринимают регион, как они оправдывают свое вмешательство в регион) и межсубъективном

(как страны региона реагирует на вмешательство великих держав) основаниях.

На межрегиональном уровне анализируются причины долгосрочного влияния великих держав на внутреннюю динамику структуры регионального комплекса безопасности.

В зависимости от наличия или отсутствия великой державы / сверхдержавы Б. Бузан и О. Вейвер классифицируют регионы как стандартные и центрированные комплексы безопасности, суперкомплексы и региональные комплексы безопасности великих держав, а также *прекомплексы* и *протокомплексы*, которые в этой статье отдельно не рассмотрены. Прекомплексы имеют множество элементов сильной двусторонней взаимозависимости в сфере безопасности, но неспособны связать их в единый комплекс, а протокомплексы имеют достаточно явную взаимозависимость в сфере безопасности, чтобы очертить регион и отличить его от соседей, но региональная динамика в них все еще слишком слабая, чтобы думать о регионе как о полноценном региональном комплексе безопасности.

Учитывая вышеуказанную классификацию Б. Бузана и О. Вейвера, ниже приводится анализ каждого типа регионального комплекса безопасности и делается вывод о том, отвечает ли Большое Средиземноморье требованиям соответствующего типа регионального комплекса или нет.

Стандартный региональный комплекс безопасности, в рамках которого основным элементом политики безопасности являются отношения между региональными державами внутри региона, состоит из региональных держав и не включает в себя какие-либо великие державы (Buzan & Waever, 2003, p. 55). Отношения между региональными державами определяют условия для участия второстепенных держав в региональных процессах, а также проникновения великих держав в региональный комплекс. Большое Средиземноморье не подходит к данному типу регионального комплекса безопасности по причине того, что в него входят такие великие державы, как Россия, Франция и Великобритания.

Центрированный комплекс безопасности — это комплекс безопасности, включающий великую державу или сверхдержаву и формирующийся в трех формах. Первые две формы — это особые случаи, когда региональный комплекс однополюсен. Кроме региональных держав в нем есть и соответствующая держава, то есть либо великая держава (например, Россия в СНГ), либо сверхдержава (например, США в Северной Америке) (Buzan & Waever, 2003, p. 55). В этих случаях великая держава / сверхдержава доминирует в регионе, не имея соперника с возможностью ей противостоять. Третья форма централизованного регионального комплекса отличается от предыдущих двух форм тем, что она включает регион, объединенный институтами. Примером этой формы безопасности может служить ЕС, в котором централизованность проистекает не из доминирования какого-то одного полюса силы, а из создания группой государств коллективных институтов, которые сами начинают приобретать качества актора. По мнению Б. Бузана и О. Вейвера, благодаря интеграционным процессам ЕС как региональный комплекс безопасности фактически превратился в великую державу (Buzan & Waever, 2003, p. 58).

Эти три типа централизованного регионального комплекса связывает идея о том, что динамика безопасности в регионе определяется центром, расположенным внутри него. В целом данный тип регионального комплекса безопасности является однополюсным, централизованным вокруг одной великой державы / сверхдержавы. Однако в Большом Средиземноморье не существует такой великой державы, которая полностью доминирует в регионе, тем самым его нельзя включить в данный тип регионального комплекса безопасности.

Суперкомплексы формируются благодаря наличию одной или нескольких великих держав / супердержав путем объединения двух или более региональных комплексов безопасности. В суперкомплексе межрегиональный уровень является сильным и устойчивым, но не настолько сильным, чтобы перекрывать региональную динамику в региональный комплекс (Buzan & Waever, 2003, p. 60),

а также в нем присутствует супердержава, которая доминирует в региональном комплексе. Большое Средиземноморье также не является таким типом регионального комплекса в связи с тем, что оно не объединяет в себя полностью два или более региональных комплексов безопасности и в нем нет сверхдержав.

Региональный комплекс безопасности великих держав определяется наличием в нем нескольких великих держав и характеризуется тем, что его динамика напрямую влияет на расчеты балансировки на глобальном уровне, а также является своего рода гибридом глобального и регионального уровней безопасности. Этот тип регионального комплекса может быть проанализирован как стандартный региональный комплекс безопасности, так как в обоих типах существуют полярность и паттерны сотрудничества и соперничества. Однако по причине того, что региональный комплекс безопасности великих держав включает в себя державы глобального уровня, сохранение в нем региональной стабильности влияет на динамику обеспечения безопасности на глобальном уровне. То есть внутренняя динамика данного типа регионального комплекса, будь то дружественная или враждебная, является существенным фактором, влияющим на динамику безопасности на глобальном уровне (Buzan & Waever, 2003, p. 59). Учитывая тот факт, что в Большое Средиземноморье входят три великие державы — Россия, Франция и Великобритания, которые являются постоянными членами СБ ООН и играют весомую роль в принятии не только региональных, но и глобальных решений, оно может быть включено в данный тип регионального комплекса безопасности.

Один из важных элементов ТРКБ заключается в том, что государства в регионе должны иметь общее восприятие угрозы, чтобы можно было называть регион комплексом безопасности, поскольку общее восприятие угрозы укрепит межгосударственные отношения взаимозависимости. Другими словами, географические регионы, которые сталкиваются со схожими проблемами в сфере безопасности или имеют общий потенциал в этих вопросах, образуют комплекс

безопасности. Такие факторы, как исторические отношения сотрудничества и соперничества, конфликты, сходство потребностей и общий враг играют основополагающую роль в формировании комплекса безопасности.

Если рассматривать Большое Средиземноморье с точки зрения вышеуказанных факторов, то исторические отношения вражды между Израилем и арабскими странами, острое региональное соперничество между Турцией и Грецией, такие конфликты, как сирийский, ливийский, йеменский, а также конфликт на Донбассе дают основание для того, чтобы Большое Средиземноморье считалось комплексом безопасности. Важно также отметить, что терроризм является основной угрозой для всех стран региона Большого Средиземноморья, в частности по причине того, что в начале XXI в. террористические сети, более глобальные по организации и мотивам и более радикальные по методам (Buzan & Hansen, 2009, p. 181), имеют возможность получить оружие массового уничтожения, что и объединяет все государства Большого Средиземноморья в единый комплекс безопасности.

Заключение

Таким образом, в статье предпринята попытка определить понятие Большого Средиземноморья, наметить в разных

перспективах и масштабах территорию, которую оно охватывает, а также дать характеристику того, к какому типу регионального комплекса безопасности относится данный регион. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности представляет собой комплекс безопасности глобального уровня, так как включает в себя такие великие державы, как Россия, Франция и Великобритания — постоянные члены СБ ООН (это единственный РКБ, в который входят три постоянных члена СБ ООН). Благодаря этому процессы, происходящие в этом регионе, прямо влияют на обеспечение глобальной безопасности. Вместе с тем региональные державы, такие как Турция, Италия, Израиль, Иран и Саудовская Аравия, обладающие значительными военно-политическими, торгово-экономическими и энергетическими возможностями, превосходящими потенциал их непосредственных соседей, играют роль в увеличении значимости Большого Средиземноморья, а также ужесточают борьбу за лидерство в нем.

Что касается основной структуры Большого Средиземноморского регионального комплекса безопасности, то ни одно государство не доминирует в нем, а внутри него существуют определенные модели сотрудничества и соперничества, что и помогает сохранять баланс сил между державами региона.

Поступила в редакцию / Received: 15.05.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Лукасов А.В., Косов Г.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 4. С. 82—103. DOI: 10.46539/elit.v1i4.38
- Косов Г.В., Татарков Д.Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 111—129. DOI: 10.46539/elit.v1i1.7
- Маковская Д.В., Бичаков С.А. Этнический аспект политики «мягкой силы» в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 392—403. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.305
- Нечаев В.Д., Гришина А.В., Косцова М.В. Современные подходы и теории гендерной политики: региональный аспект (на примере стран Большого Средиземноморья) // Парадигмы истории и общественного развития. 2019. № 15—16. С. 120—124.
- Соловьева А.А., Михалев А.В. Перспективы развития интеграционного сотрудничества в регионе Большого Средиземноморья путем использования потенциала Союза арабских стран Магриба // Экономика и управление: теория и практика. 2019. Т. 5. № 3. С. 45—52.
- Столетов О.В. «Мягкая сила» России в Большом Средиземноморье // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 117—127.

- Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геоинформационное сопровождение Средиземноморской ветви шелкового пути // *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2019. Т. 25. № 1. С. 102—113. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113
- Чихарев А.И., Ярмук О.В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 1. С. 99—109. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109
- Шахин Ю.В. Методологические проблемы изучения Большого Средиземноморья // *Архонт*. 2020. № 6 (21). С. 73—78.
- Bicchi F. The Mediterranean, between unity and fault line // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4. No. 2—3. P. 329—339. DOI: 10.1080/23340460.2018.1554394
- Bicchi F. The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. No. 1. P. 3—19. DOI: 10.1080/13629395.2011.547365
- Birdiqli F., Gören M. Bölgesel Güvenlik Kompleksi Teorisi Bağlamında Türkiye-İran Arasında Göç ve Sınır Güvenliği // *İran çalışmaları dergisi*. 2018. Cild. 1. Sayı. 2. P. 11—38.
- Boening A.B. Pronouncements of its impending demise were exaggerated: The EuroMed partnership morphing into a regional security super complex // *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. 2008a. Vol. 8. No. 12. P. 1—15.
- Boening A.B. Regional security through synergistic integration: A Euro-Mediterranean regional security complex // *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. 2008b. Vol. 5. No. 13. P. 1—14.
- Boening A.B. *The Arab Spring: Re-balancing the Greater Euro-Mediterranean?* New York: Springer, 2014.
- Buzan B. *People, states and fear: The national security problem in international relations*. London: Harvester Press Group, 1983.
- Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan B., Weaver O., de Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder (CO): Lynne Rienner Publishers, 1997.
- Darbouche H. Third time lucky? Euro-Mediterranean energy co-operation under the Union for the Mediterranean // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. No. 1. P. 193—211. DOI: 10.1080/13629395.2011.547412
- Kuru D. Not international relations ‘mare nostrum’: On the divergence between the Mediterranean and the discipline of international relations // *Mediterranean Politics*. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 145—167. DOI: 10.1080/13629395.2019.1700674
- Paciello M.C., Pioppi D. Working class youth transitions as a litmus test for change: Labour crisis and social conflict in Arab Mediterranean countries // *Mediterranean Politics*. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 308—329. DOI: 10.1080/13629395.2020.1749814
- Projecting Resilience across the Mediterranean* / Ed. by E. Cusumano, S. Hofmaier. London: Palgrave Macmillan, 2020.
- Roccu R., Voltolini B. Framing and reframing the EU’s engagement with the Mediterranean: Examining the security-stability nexus before and after the Arab Uprisings // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 1—22. DOI: 10.1080/13629395.2017.1358895
- Soler i Lecha E. Converging, diverging and instrumentalizing European security and defence policy in the Mediterranean // *Mediterranean Politics*. 2010. Vol. 15. No. 2. P. 231—248. DOI: 10.1080/13629395.2010.485050
- The Mediterranean reset: Geopolitics in a new age* / ed. by A. Ehteshami, D. Huber, M.C. Paciello. Durham: Global Policy, 2017.

References

- Bicchi, F. (2011). The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations. *Mediterranean Politics*, 16(1), 3—19. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547365>
- Bicchi, F. (2018). The Mediterranean, between unity and fault line. *Global Affairs*, 4(2—3), 329—339. <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1554394>
- Birdiqli, F., & Gören, M. (2018). Bölgesel Güvenlik Kompleksi Teorisi Bağlamında Türkiye-İran Arasında Göç ve Sınır Güvenliği. *İran Çalışmaları Dergisi*, 1(2), 11—38.
- Boening, A. B. (2008b). Regional security through synergistic integration: A Euro-Mediterranean regional security complex. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*, 5(13), 1—14.
- Boening, A. B. (2008a). Pronouncements of its impending demise were exaggerated: The EuroMed partnership morphing into a regional security super complex. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*, 8(12), 1—15.
- Boening, A. B. (2014). *The Arab Spring: Re-balancing the Greater Euro-Mediterranean?* New York: Springer.

- Buzan, B. & Hansen, L. (2009). *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. & Waever, O. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. (1983). *People, states and fear: The national security problem in international relations*. London: Harvester Press Group.
- Buzan, B., Weaver, O., & De Wilde, J. (1997). *Security: A new framework for analysis*. Boulder (CO): Lynne Rienner Publishers.
- Chikharev, I. A., & Yarmak, O. V. (2019). The Greater Mediterranean in the discourse of research and expert analytics centers. *RUDN Journal of Political Science*, 21(1), 99—109. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
- Cusumano, E., & Hofmaier, S. (Eds.). (2020). *Projecting resilience across the Mediterranean*. London: Palgrave Macmillan.
- Darbouche, H. (2011). Third time lucky? Euro-Mediterranean energy co-operation under the Union for the Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 16(1), 193—211. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547412>
- Ehteshami, A., Huber, D., & Paciello, M. C. (Eds.). (2017). *The Mediterranean reset: Geopolitics in a new age*. Durham: Global Policy.
- Gukasov, A. V., & Kosov, G. V. (2020). Technologies for the formation of a new world order during the “Interregnum” period: On the issue of the formation of new elite zones and territories of disintegration (the case of the Greater Mediterranean). *Political Elite Studies*, 1(4), 82—103. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i4.38>
- Kosov, G. V. & Tatarkov, D. B. (2020). Middle East node of the Greater Mediterranean in the context of elitological analysis. *Political Elite Studies*, 1(1), 111—129. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.7>
- Kuru, D. (2019). Not international relations ‘mare nostrum’: On the divergence between the Mediterranean and the discipline of international relations. *Mediterranean Politics*, 26(2), 145—167. <https://doi.org/10.1080/13629395.2019.1700674>
- Makovskaya, D. V., & Bichakov, S. A. (2019). Ethnic aspect of the “soft power” policy in the implementation of geopolitical projects in the Greater Mediterranean. *Political Expertise: POLITEX*, 15(3), 392—403. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.305>
- Nechaev, V. D., Grishina, A. V., & Kostsova, M. V. (2019). Modern approaches and theories of gender policy: Regional aspect (on the example of the Great Mediterranean Region). *Paradigms of History And Social Development*, (15—16), 120—124. (In Russian).
- Paciello, M. C., & Pioppi, D. (2020). Working class youth transitions as a litmus test for change: Labour crisis and social conflict in Arab Mediterranean countries. *Mediterranean Politics*, 26(3), 308—329. <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1749814>
- Roccu, R., & Voltolini, B. (2017). Framing and reframing the EU’s engagement with the Mediterranean: Examining the security-stability nexus before and after the Arab Uprisings. *Mediterranean Politics*, 23(1), 1—22. <https://doi.org/10.1080/13629395.2017.1358895>
- Shakhin, Yu. V. (2020). Methodological problems of studying the Greater Mediterranean. *Arkhont*, (6), 73—78. (In Russian).
- Soler i Lecha, E. (2010). Converging, diverging and instrumentalizing European security and defence policy in the Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 15(2), 231—248. <https://doi.org/10.1080/13629395.2010.485050>
- Solovyova, A. A., & Mihalev, A. V. (2019). Prospects for the development of integration cooperation in the Greater Mediterranean region by using the potential of the Arab Maghreb Union. *Economy and Management: Theory and Practice*, 5(3), 45—52. (In Russian).
- Stoletov, O. V. (2017). Russian “soft power” in the Great Mediterranean. *Discourse-P*, (2), 117—127. (In Russian).
- Stoletov, O. V., Chikharev, I. A., Moskalenko, O. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Geoinformation support of the Mediterranean branch of the Silk Road. *InterCarto. InterGIS*, 25(1), 102—113. (In Russian). <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>

Сведения об авторе: Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

About the author: Aghazada Mirmehdi Mirkamil ogly — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru